

УДК 81-22

Английские заимствования в русском языке как отражение динамики культурной картины мира

Гончарова Елена Дмитриевна

Старший преподаватель,
кафедра «Иностранные языки и межкультурная коммуникация»,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
680021, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Серышева, 47;
e-mail: lgonch@yahoo.com

Аннотация

В статье рассматриваются новые лингвокультурные концепты русского языка, отразившие изменения в отечественной культуре последних десятилетий. Автор приводит доводы в подтверждение взаимосвязи языка и культуры через медиатора этих двух открытых сложных систем – человека. Различия англосаксонской и русской картин мира сложились на основе исторических реалий. Именно различиями культурных картин мира объясняются, по мнению автора, заимствования из другого языка. Лексические заимствования появляются в языке не просто в виде слов: за ними стоят определенные лингвокультурные концепты. Они неравнозначны с точки зрения их влияния на культуру языка-реципиента. Наибольший интерес для исследования представляют те из них, которые отражают глубинные различия культур, роль духовного и материального в жизни обоих этносов, поскольку появление таких заимствований означает изменение культурной картины мира. Англоязычные заимствования в русском языке рассмотрены в соответствии с авторской классификацией заимствованных концептов.

Для цитирования в научных исследованиях

Гончарова Е.Д. Английские заимствования в русском языке как отражение динамики культурной картины мира // Культура и цивилизация. 2016. № 2. С. 125-133.

Ключевые слова

Англоязычные заимствования, концепт, картина мира, лингвокультура, влияние, изменения.

Язык как отражение культуры

Связующим звеном между языком и культурой, субъектом их взаимовлияния является человек. В знаках языка всегда проступают специфические приметы культуры, включая

ментальность отдельного человека или этноса в целом. Признанный специалист в области лингвокультурной компетенции В.Н. Телия отмечает, что «культура – один из внеязыковых миров, концептуализируемых языком и обретающих в его формах свое знаковое бытие» [Телия, 2004, 21]. Человек как субъект культуры воплощает в речемыслительной деятельности свои знания (осознание) о мире. С одной стороны, языковые сущности выступают как своего рода тела культурных знаков, с другой – они воздействуют на жизненную философию носителей языка: становясь частью воплотившейся и обретшей знаковое выражение культуры, язык участвует в ее хранении и воспроизведении. Благодаря такому коллективному взгляду создается некая целостная картина мира. По мнению М. Фуко, «язык – неоднозначная, загадочная вещь... и эта загадка заключена в каждой его частичке, которая сочетается с частичками мира и вплетена в него настолько сильно, что все они составляют сеть знаков, где каждый из них связан друг с другом» [Foucault, 1994, 34]. Таким образом, в языке как видоизмененной природе отражается образ мира, связи Земли и Неба: «евреи, сирийцы, египтяне, арабы, турки, персы, мавры, татары пишут справа налево, следуя ходу и ежедневному движению первого неба... греки, грузины, римляне и все европейцы пишут слева направо, следуя ходу и движению второго неба, пристанищу семи планет; индусы... китайцы, японцы пишут сверху вниз согласно порядку природы, которая предписывает голове находиться вверху, а ногам – внизу; мексиканцы пишут то снизу вверх, то спиральными линиями, похожими на те, по которым движется солнцем в ходе своего годового движения по зодиаку» [Ibidem, 37].

Очевидно, что идея как мысль, представление, образ и понятие не может существовать без воплощения в слове: *логическое* и *языковое* представляют собою «две стороны одного листа, на котором и записаны знаки культуры» [Barnes, 1995, 262]. Другими словами, специфика языка состоит в избирательном системном сочетании способов выражения определенного значения вместе с другими формально-содержательными единствами. Такая комбинаторика, по меткой метафоре В. фон Гумбольдта, создает языковой круг [Гумбольдт, 1985]. Он отражает специфическое освоение этносами окружающей среды, или, говоря современным языком, структурирование субъектом поступающей из внешней среды информации в зависимости от истории, религии и традиций. Этим, например, и объясняется большая номинативная плотность понятий снега у эскимосов, риса у китайцев и верблюда у арабов [Карасик, 2002, 111].

Русская и англоязычная лингвокультурные картины мира

Картина мира как синоним понятия мировоззрения подразумевает обобщение опыта и сокровенных убеждений человека, представляет собой своеобразную ментальную карту в соотношении своих поступков с вещами и событиями жизни [Холтон, 1992, 38]. Она играет роль связующей силы, направленной на консолидацию социума.

Сравнение русской и англосаксонской картин мира обнаруживает как сходство общеевропейских культурных ценностей, так и различия, проявляющиеся в ментальных картах (соотношении духовного и материального) народов. Именно различиями объясняются заимствования, так как здесь осуществляется процесс приобретения не существовавших ранее или видоизмененных понятий в языке и культуре одного народа под влиянием другого. Оппозиционность духовного – материального обозначилась с разделением христианских конфессий в эпоху Средневековья. После определения отношения к этим понятиям, были обозначены и культурные векторы католицизма и православия. Первая конфессия отдала предпочтение *ratio* (мысли, разуму), что легло в основу рационализма западноевропейской культуры; вторая предпочла *logos* (язык, духовность), предопределивший примат духовного, идеального над рационализмом человеческого бытия. Это различие в предпочтениях фиксируется и на лексическом уровне. Если в русском языке привычную оппозицию слову *тело* составляет *душа*, то в английском языке *тело* (*body*) противопоставляется *сознанию* (*mind*). Так, содержание декартовский трактат под названием *Страсти души* в учебнике психологии на английском языке трактуются как *mind – body interaction*, т. е. *взаимодействие тела и сознания*, а не *взаимодействие тела и души*. Русское *душевнобольной* в английском – *mentally ill* (*с больным сознанием*). Как производное от *mental* в обиход современного русского языка полностью вошло и стало популярным слово *менталитет*. В западноевропейской, в частности англоязычной, культуре слово *mentality* (*интеллект*) соотносится именно с *рацио*; в русской традиции ментальности более соответствует *духовность*, т. е. та же способность воспринимать и оценивать мир и человека в категориях и формах родного языка, но с преобладанием идеальной, духовной точки зрения. В словах Николая Бердяева о том, что русский ментализм еще скажет свое слово Европе, речь идет о русской духовности, т. е. «дух направляет мысль, а не наоборот» [Колесов, www]. В этом различии определяются характерные черты русской культуры, получившие выражение в языке [Вежбицкая, 1997]. Следует отметить, что эти характеристики формировались в русской культуре на фоне «вечного поиска правды», неприкаянности человека, что отражено в русской литературе и искусстве от древних источников до современных произведений. Такая преемственность художественного лейтмотива, несомненно, отражает специфику ценностей русской культуры. Характерно, что концептов *поиск правды* и *неприкаянность* как таковых не существует в англоязычной культуре, формировавшейся в контексте культы рыцарства, поединков, славы и правды сильного. В русском же языке с давних пор существует выражение «Бог не в силе, а в правде». И если *неприкаянность* в английском транслируется как *хождение без дела* или *путешествие в свое удовольствие*, то в русском оно означает нечто иное – *не находящий себе места, не знающий, что делать от беспокойства, смятения*. Такое различие менталитетов подтверждается смысловым наполнением других концептов, приведенных в табл. 1 [Карасик, 2002, 208].

Таблица 1. Содержание концептов в англосаксонской и русской культурах

Англосаксонская культура	Русская культура
<i>Успех</i> зависит, прежде всего, от усилий человека	<i>Успех</i> зависит, прежде всего, от способностей человека и везения
Главное в <i>работе</i> – результат	Главное в <i>работе</i> – желание трудиться
<i>Герой</i> должен вести себя благородно	<i>Герой</i> должен идти на самопожертвование
Человек удивляется <i>чуду</i>	Человек испытывает восторг перед <i>чудом</i>
Следует <i>вести себя</i> умно	Следует <i>вести себя</i> красиво
<i>Глупец</i> достоин осмеяния	<i>Глупец</i> достоин сожаления
<i>Шалость</i> заслуживает наказания	<i>Шалость</i> заслуживает порицания
Тот, кто <i>преследует мнимые цели</i> , выставляя себя напоказ, достоин осуждения	Тот, кто <i>преследует мнимые цели</i> , достоин сожаления

Из примеров видно, что семантика слова культурно обусловлена, особенно у абстрактных и общих понятий, ведь в речи используется значение слова, а не его смысл. Значение – это только одна часть комплексного смысла, проявляющегося у слова в устойчивом, конкретном и унифицированном виде в контексте речи. Весь лексикографический комплекс слова, т. е. его концепт со всеми значениями и смыслами, по идее, должен быть зафиксирован словарями. Однако и лексикография тоже культурно обусловлена: в англоязычных странах культура предписывает фиксацию слова как можно быстрее после его появления в речи; в русской традиции лексикографии слово должно сначала закрепиться в речи, чтобы «быть достойным» попасть в словарь. Смысл слова как концепта представляет собой важную категорию как для носителей языка, так и для изучающих язык как иностранный. Он позволяет человеку, который использует или воспринимает слово/текст, точно выразить необходимое или также точно понять предназначенное для него. Это связано с языковой компетенцией, которая лежит в основе коммуникации. Ее роль в современном обществе все более ошутима во всех областях все ускоряющейся технозависимой жизни. Проблемы коммуникации главным образом связаны с недопониманием, которое разрушает гармонию жизни на всех уровнях: индивидуальном, национальном и глобальном.

Виды заимствований как изменение лингвоконцептосферы

Язык и культура – это две открытые взаимопроникающие семиотические системы. Кроме влияния, которое они оказывают друг на друга, есть внешнее влияние со стороны других культур и языков, привносящее некий хаос в их органическое взаимодействие. С синергетической точки зрения это совершенно необходимый и неизбежный процесс саморазвития открытых систем за счет поступающей извне информации/энергии. Важно отметить, что влиянию более всего подвержены наиболее подвижные части системы. Если оно оказывается продуктивным, то процесс идет по нарастающей – вглубь к более консервативным компонентам, которые играют роль параметров порядка для предыдущих уровней. В языке наиболее восприимчивой к изменениям является лексика. Для нее организующим параметром порядка является

грамматический строй языка, который, в свою очередь, «контролируется» дискурсом в виде фразеологии, стилей, мыслеполагания и поведения (т. е. культурой). Необходимо отметить, что процессы в языке, как и в любом живом организме, не всегда идут в строгой последовательности, но взаимовлияние языка и культуры происходит на каждом этапе.

Поток англоязычных заимствований в русском языке настолько велик, что вызывает озабоченность не только у специалистов – хранителей языка, но и во всех слоях общества (что, в частности, подняло проблему лексикографии на новый уровень). Поэтому важно понять, скрывается ли за английскими заимствованиями в русском языке специфические англоязычные концепты, которые оказывают влияние на традиционную русскую картину мира. Учитывая то, что «изменения в концептуальной картине мира влияют не только на понятийную, образную и ценностную составляющие существующих концептов, но и способствуют внедрению в культуру абсолютно новых концептов», где «главное отличие чужих концептов – это установление ценностных отношений, свойственных иной культуре» [Там же, 259], можно проследить степень влияния одной культуры на другую. Опираясь на классификацию В.И. Карасика [Там же, 176-188], предлагается лингвокультурная классификация заимствованных концептов с точки зрения их влияния на концептосферу языка-реципиента, согласно которой концепты делятся на *ценностные концепты*, *квази-концепты* и *нулевые концепты*.

В случае с *ценностными концептами* заимствуется реалия с ценностными/этнокультурными признаками, которые отличаются от ценностной картины мира языка-реципиента. С вхождением концепта в язык изменяется (дополняется) картина мира носителей языка-реципиента. Концепты *бизнес/бизнесмен/бизнесвумен*, например, пришли в русский язык с изменившейся экономической и политической ситуацией в стране. В англоязычной культуре это сугубо положительные концепты, но их содержание противоречит русской ценностной картине мира: зарабатывание денег и построение карьеры на холодном расчете не приветствуется в русской культуре. Только теперь, по прошествии более чем 25 лет, эти концепты воспринимаются нейтрально или «легко положительно», но не «сугубо положительно», как у себя на родине в англоязычной культуре. Заслуживают внимания и активно внедряющиеся концепты *приватность (privacy)* и *имидж (image)*. Эти концепты являются фундаментальными в англоязычной культуре. Именно из-за того, что их сигнификаты противоречат базовым установкам русской культуры – *общинности* в первом случае и *искренности* в отношениях во втором, эти концепты как ментальные образования плохо приживаются в русской культуре и не приобретают той положительной коннотации, которая есть у них в английском языке.

Представляется, что к этой же категории ценностных концептов можно отнести имеющиеся в лексиконе устаревшие слова, получившие новое значение. Почти забытое слово *домохозяйство* (теперь это калька с англ. *household*) стало широко употребляемым как новый концепт, возникший с распространением частной собственности на жилье. Слово *крутой* (семантическая калька с англ. *cool*) – это пример того, как языковой знак меняет свои семиотические аспекты. У уже имеющегося в языке слова появляется новый концепт с новым значением

и с новым грамматическим содержанием. Поколение тому назад такое слово могло быть лишь авторской метафорой. Беспрепятственное осмысление таких языковых знаков в новом значении является показателем принадлежности говорящих к единой лингвокультуре.

Еще одним примером заимствованного ценностного концепта может служить расширение концептуальной картины мира через изменения значений компонентов ядра у отрефлектированного концепта. В русский концепт понятия *природа*, например, не входит его английская составляющая *state of nakedness (состояние обнаженности)* в силу русской традиции ценности целомудрия и табуированности лексики, связанной с обнаженным телом. Однако после изменения отношения к предмету эта часть английского концепта была заимствована вместе с соответствующим новым словом *натурист (naturist)*, обозначающего человека, признающего наготу естественным состоянием. Изменившаяся культурная ситуация позволяет существовать более раннему заимствованию (*нудист*) с негативной коннотацией и более позднему с положительной коннотацией. Таким образом, вербализация лексико-семантического множества концепта в связи с его изменением – одна из причин заимствований.

Нужно отметить, что большинство заимствованных ценностных концептов вызывают отрицательное отношение со стороны носителей языка-реципиента, хотя немало и обратных примеров. Концепт *бойфренд* без препятствий был принят русскоговорящими как замечательный аналог русского слова *сожитель* и положительно коннотированного *друг* с дополнительным значением близких отношений. По всей вероятности, официальное фарисейское отношение к добрачным отношениям и незарегистрированным бракам противоречило установкам русской культуры на соблюдение закона совести при снисходительно-необязательном отношении к закону официальному.

Если новые концепты не затрагивают ценностную картину мира, то это либо квази-концепты, обозначающие реалии, заимствуемые в нашем случае из английской и американской культуры, либо нулевые концепты-паразиты. В случае с *квази-концептами* реалии заимствуются вместе со словами, их обозначающими. Это «чистое» заимствование, чаще всего кальки (*интернет, принтер, дилер, лизинг* и т. д.). В этом отношении интересен случай с заимствованным словом *ксерокс*, которое органично вписалось в русский язык. У него появились дериваты во всех частях речи с широким набором флексий (*ксерить, отксерить* и т. д.). Более того, не все осознают, что это калька с названия фирмы Хегох, которая первой стала поставлять фотокопировальное оборудование в Россию. Фактически слово пришло вместе с устройством как калька-метонимия с названия фирмы-поставщика, а оригинальное слово *photocopier* и его калька *фотокотип* не прижились. Квази-концепты вообще достаточно хорошо приживаются, приобретая черты русской фонетики, морфологии и синтаксиса: *мыло (email); элька, эмка, эска* (размеры одежды); *мобильник/мобила; татушка (tattoo); пазл сложился (все стало на свои места)*.

В случае с *нулевыми концептами* обыгрываются английские слова (*фейсом об тейбл – лицом об стол, заспикать – заболтать*) или мыслительные образования, которые обозначаются английскими словами. Они используются для того, чтобы подчеркнуть, что явления, для кото-

рых в русском языке есть свои обозначения, имеют нечто особое, отличаются от наших обычных предметов, явлений, событий (*бутик – магазин, секьюрити – охрана, консенсус – согласие*). В целом это проявление варваризмов в языке не рассматривается учеными-лингвистами как угроза языку [Литвин, 1998, 115]. Л.П. Крысин справедливо считает, что активизация заимствований избирательна: «на самом деле надо говорить об известной распределенности иноязычных слов по функциональным стилям и речевым жанрам» [Крысин, 1996, 158].

Выводы

Английские заимствования в русском языке отражают изменения в русской культуре под влиянием англоязычной. Вместе с тем не все случаи заимствований английских слов и выражений свидетельствуют о заимствовании связанных с этими словами концептов. С точки зрения ценностного основания импортируемых концептов эти единицы могут быть противопоставлены как обладающие и не обладающие генеративным ценностным потенциалом, т. е. как способные создавать координаты для новой системы ценностей и являющиеся паразитарными по отношению к родному языку. В любом случае лексический состав языка – чувствительный индикатор динамики культурных процессов, а степень ассимиляции заимствований во многом зависит от степени взаимопроникновения культур.

Библиография

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 412 с.
2. Гумбольдт В. фон. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 370-381.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Колесов В.В. Источники древнерусской культуры и истоки русской ментальности. URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s1_3_1.pdf
5. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Земская Е.А. (отв. ред.) Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 142-161.
6. Литвин Ф.А. Почему шум? (Действительно ли русский язык нуждается сегодня в срочных мерах по спасению) // Язык и коммуникация: изучение и обучение. Орел: ОГУ, 1998. Вып. 2. С. 114-120.
7. Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Телия В.Н. (отв. ред.) Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19-30.

8. Холтон Дж. Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26-58.
9. Barnes J. (ed.) The Cambridge companion to Aristotle. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 403 p.
10. Foucault M. The order of things. New York: Vintage Books, 1994. 389 p.

English borrowings in the Russian language as a reflection of the dynamics of the cultural worldview

Elena D. Goncharova

Senior Lecturer,
Department of foreign languages and intercultural communication,
Far Eastern State Transport University,
680021, 47 Serysheva st., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: lgonch@yahoo.com

Abstract

The paper explores new linguocultural concepts in the Russian language that reflect changes which have taken place in the national culture over the last decades. The author puts forward the arguments in favour of the interconnection between language and culture as two open and complex systems through a mediator – man. The author also points out that the differences between the Russian and Anglo-Saxon worldviews have been shaped on the basis of historical realia. The author points out that it is differences between cultural worldviews that lead to borrowing words from another language. Such borrowings appear in languages not only in a form of words: words are often borrowed together with linguocultural concepts. Concepts are not equal in terms of their impact on the recipient culture. It is more interesting to study those of them that reflect the key differences between the cultures, the role of the spiritual and material in the life of both ethnic groups because the appearance of such borrowings reflects changes in the cultural worldview. The author's classification of borrowed concepts is described and used in order to reveal the features of English borrowings in the Russian language and analyze them.

For citation

Goncharova E.D. (2016) Angliiskie zaimstvovaniya v russkom yazyke kak otrazhenie dinamiki kul'turnoi kartiny mira [English borrowings in the Russian language as a reflection of the dynamics of the cultural worldview]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2, pp. 125-133.

Keywords

English borrowings, concept, worldview, linguoculture, influence, changes.

References

1. Barnes J. (ed.) (1995) *The Cambridge companion to Aristotle*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Foucault M. (1994) *The order of things*. New York: Vintage Books.
3. Holton G. (1992) How to think about the "anti-science" phenomenon. *Public understanding of science*, 1 (1), pp. 103-128. (Russ. ed.: Kholton Dzh. (1992) Chto takoe "antinauka"? *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 2, pp. 26-58.)
4. Humboldt W. von (1963) Über den Nationalcharakter der Sprachen. In: *Werke in fünf Bänden, Bd. III: Schriften zur Sprachphilosophie*. 4. Aufl. Darmstadt, S. 64-81. (Russ. ed.: Gumbol'dt V. fon (1985) Kharakter yazyka i kharakter naroda. In: *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Moscow: Progress Publ., pp. 370-381.)
5. Karasik V.I. (2002) *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena Publ.
6. Kolesov V.V. *Istochniki drevnerusskoi kul'tury i istoki russkoi mental'nosti* [The sources of Old Russian culture and the origins of Russian mentality]. Available from: http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s1_3_1.pdf [Accessed 25/01/16].
7. Krysin L.P. (1996) Inoyazychnoe slovo v kontekste sovremennoi obshchestvennoi zhizni [Foreign words in the context of modern public life]. In: Zemskaya E.A. (ed.) *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985-1995)* [The Russian language at the end of the 20th century (1985-1995)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., pp. 142-161.
8. Litvin F.A. (1998) Pochemu shum? (Deistvitel'no li russkii yazyk nuzhdaetsya segodnya v srochnykh merakh po spaseniyu) [Why all the fuss? (Whether the Russian language is in urgent need of being rescued)]. *Yazyk i kommunikatsiya: izuchenie i obuchenie* [Language and communication: learning and teaching], 2, pp. 114-120.
9. Teliya V.N. (2004) Kul'turno-yazykovaya kompetentsiya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinitsakh frazeologicheskogo sostava yazyka [Cultural and linguistic competence: its high probability and inmost depth in phraseological units]. In: Teliya V.N. (ed.) *Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i diskursivnykh praktikakh* [Cultural layers in phraseological units and discourse practices]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., pp. 19-30.
10. Wierzbicka A. (1997) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari Publ.